

УДК 821.161.1-32(Брюсов В. Я.): 821.161.1-32(Белый А.). DOI 10.26170/FK20-02-14.

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.08

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА ПОРТРЕТА В СИМВОЛИСТСКОЙ ПРОЗЕ (В. Я. БРЮСОВ И А. БЕЛЫЙ)

Дровалева Н. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1095-2991>

А н н о т а ц и я . В статье анализируются особенности портретных характеристик персонажей на материале малой прозы В. Я. Брюсова и автобиографической повести А. Белого «Котик Летаев», которые ранее не становились предметом отдельного интереса в связи с мифотворчеством символистов. Если писатели второй половины XIX в. сравнивают исходное и финальное психологические состояния героя, оценивают произошедшие метаморфозы, что нередко отражается в многочисленных портретах персонажей, то символисты оперируют другой формой психологизма – синтетической. В первой части статьи анализируются особенности включения визуальных характеристик персонажей в текст в малой прозе В. Я. Брюсова, что позволяет сделать следующий вывод: портретные детали, которые писатель вводит в текст произведения, усиливают многогранность художественных образов, поддерживая символистскую идею непостижимости истины или наличия множества истин, а в сборнике «Земная ось» способствуют созданию общего настроения произведения и поддерживают лейтмотив утраты границы между сном и явью, действительностью и миром фантазии. Во второй части статьи исследовательское внимание обращено на особенности функционирования портретных деталей в повести А. Белого «Котик Летаев», где на изображение внешнего облика, несомненно, повлияло восприятие человеческой сущности и человеческой фигуры Белым сквозь призму антропософских воззрений на человека, состоящего, согласно этой теории, из разных тел-оболочек (тела астрального, тела эфирного и тела физического). Кроме того, отмечается, что писателя интересует не «биологическая» составляющая человека, т. е. реально существующая или существовавшая личность (несмотря на то, что повесть содержит автобиографические детали). Предметом изображения становятся фантазийные метаморфозы, причудливым образом переплетающиеся с прошлым и будущим, что обуславливает особенности введения в текст портретных характеристик. Таким образом, в русской литературе начала XX в. отчетливо проступили новые подходы к изображению психологии героя, что повлекло за собой изменение традиционных подходов к визуализации облика персонажа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : визуальные образы; литературные герои; русский символизм; мифотворчество; литературное творчество.

ARTISTIC FEATURES OF CHARACTER PORTRAIT IN SYMBOLIST PROSE (V. YA. BRYUSOV AND A. BELY)

Natalia A. Drovaleva

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1095-2991>

A b s t r a c t . This article analyzes the features of portraits in V. Ya. Bryusov's short prose and A. Bely's autobiographical short novel "Kotik Letaeв", which have never been studied in regards to the symbolists' myth-making. The writers of the second half of the 19th century assess the psychological states of a character and the metamorphoses they went through, which are usually reflected in character portraits, but the symbolists operate a different, synthetic form of psychologism. The first part of the article analyzes the peculiarities of visual characterizations in V. Ya. Bryusov's short prose, which allows to draw the following conclusion: the portrait details that he introduces into the text serve to strengthen the multi-layered imagery of his works, and in "The Earth's Axis" collection they assist in creating the tone of the narrative. The second part focuses on the portraits in A. Bely's short novel "Kotik Letaeв", in which his descriptions of characters' appearance was influenced by his interest in anthroposophy and its concept of various bodies that a person consists of (the astral body, the ethereal body and the physical body). Bely

was not interested in the "biological" aspect of a person. He depicts mental state of his characters and their fictional metamorphoses, which in turn motivate the inclusion of portrait characteristics in the text. Thus, the Russian literature of the 20th century saw the rise of a new approach to depicting a character's psychological state, which in turn led to changes in the traditional methods of visualization of character appearance in the artistic texts.

Key words: visual images; literary heroes; Russian symbolism; myth making; literary work.

Для цитирования: Дровалева, Н. А. Художественная специфика портрета в символистской прозе (В. Я. Брюсов и А. Белый) / Н. А. Дровалева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 159–168. – DOI: 10.26170/FK20-02-14.

For citation: Drovaleva, N. A. (2020). Artistic Features of Character Portrait in Symbolist Prose (V. Ya. Bryusov and A. Bely). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 159–168. DOI: 10.26170/FK20-02-14.

Проблеме портретирования в литературе прямо или косвенно посвящено множество исследований, однако до сих пор она остается открытой и актуальной. Очевидна необходимость систематизации накопленного в литературоведении опыта при изучении портретных характеристик Серебряного века, в частности, в символистской литературе. При отсутствии обобщающей работы об особенностях портретных форм в литературе символизма вопросы визуализации поднимаются в отдельных работах, посвященных творчеству писателя на материале одного или нескольких произведений. В поле исследовательского внимания попадают преимущественно художественные особенности литературных портретов современников [Адамян 2009; Афанасьева 2016], а также особенности портретизации в лирике [Колосова 2006; Якушева 2010]. Визуализация облика персонажа в символистской прозе становится предметом интереса в связи с отдельными художественными произведениями писателей-символистов. В виде частных характеристик персонажей в прозе Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба и А. Белого анализируют портреты героев Н. В. Барковская [Барковская 1996]. Интерес к портретам Белого актуализируется преимущественно в связи с характеристикой персонажей в романе «Петербург». На фоне суждений об особенностях портретных характеристик в творчестве А. Белого и нетрадиционного восприятия внешности человека есть несколько работ, где портреты характеризуются как «изображения», лишенные четких контуров [Кафидова 2005]. Кроме того, отмечается, что образы могут тяготеть к живописной кубистичности, то есть кри-

сталлизации и декристаллизации [Новиков 1990]. Одушевленное, по мнению Ю. А. Печениной, превращается в оболочки и фигуры, а изображение героев может быть осмыслено читателем только в пространстве Петербурга [Печенина 2009], таким образом, происходит размывание границ между городом и героем. Особый интерес в этой связи представляют исследования Л. В. Лазаренко, в которых портретные детали в романе «Петербург» анализируются с учетом мифотворческих антропологических взглядов Белого: «Человек у самых истоков своего появления не противостоит живому миру, а берет свое начало из него» [Лазаренко 2002: 175] (портреты характеризуются как «скульптурные» – в произведении актуализируется «явный или латентный» диалог с «мертвой» телесностью города).

Однако до настоящего времени вне исследовательского внимания остаются особенности портретов в малой прозе Брюсова. Портреты в романах Белого с «вымышленными» героями и повести «Котик Летаев» также не становились предметом отдельного анализа в связи с авторским мифотворчеством. Особенности визуализации персонажей в малой прозе Брюсова и «Котике Летаеве» продуктивно было бы рассмотреть в связи с особенностями психологизма этой эпохи и мифотворчеством, актуализировавшимся в литературе символизма.

Мифотворчество символистов и особенности психологизма. На рубеже XIX–XX вв. активно развивается концепция личности художника-творца, искусство символизма обретает жизнестроительную функцию: жизнь и язык творчества неотделимы друг от друга. Писателями и поэтами активно создаются

авторские мифы, которые становятся частью символистской реальности. Для символистов в основе мифотворчества и житнетворчества лежало переустройство всего бытия и обретение новой сути творчества как такового. Наиболее ярко идея «теургического» «назначения искусства была представлена в теоретических изысканиях младших символистов – в первую очередь А. Белого, а также Вяч. Иванова, А. Блока и др.» [Клинг 2014: 147]. Этой идеей, корреспондировавшей с пересозданием поэтической личности, проникается отчасти и В. Я. Брюсов. Парадигма «поэт-пророк» претерпевает в данную эпоху сложную трансформацию. Поэт по определению становится «артистом», чья жизнь и тело начинают восприниматься как «художественное произведение» (отголоски ницшеанских идей) [Бердникова 2009: 18]. В программной статье под названием «Священная жертва» (1905) Брюсов пишет, что в основе понимания искусства положение «весь мир во мне» [Брюсов 1975: 97]. Художник должен выразить свои идеи и переживания с помощью литературного творчества, которые, по мнению писателя, и есть единственная реальность, «доступная нашему сознанию».

Концепция «творчества жизни», предложенная А. Белым (для него в художественном символе художник и произведение сливаются в единое целое), восходит к идее теургии, где художник мыслится как проводник, выполняет жреческие функции, а искусство становится новой религией. Художник каждым своим поступком, жестом, словом прокладывает путь «к общению со Вселенной» [Сарычев 1991: 73]. «Прельстительность» теургии заметна уже в ранних текстах Белого (позже теургия органически вольется в увлечение Белым антропософским учением).

Помимо произведений, в которых явно отразилась житнетворческая концепция, на первый план выходит «частный дневник» и многогранная «эпистолярная литература» [Иоффе 2005: 153]. На рубеже XIX–XX вв. «идея житнетворчества становится фактором, определяющим установки художника-символиста на литературность частного письма, поскольку именно в русле этой идеи многие события жизни художника и способы их освоения превращаются в предмет его творческой реф-

лексии» [Берендеева 2010: 17]. Такое стремление повлекло за собой обращение к языку знаков и символов, что говорит о возвращении в культуру мифологического мышления посредством авторского мифотворчества [Давиденко 2006]. Таким образом, мир художественного произведения становится и способом поиска истины, и законов мироздания, и одновременно образом бытия и бытования.

В результате таких сдвигов на рубеже XIX–XX вв. начинает складываться особая форма психологизма, который Л. А. Колобаева называет «символико-мифологическим». Если писатели второй половины XIX в. анализируют психологию героя, сравнивая, например, исходное и финальное психологические состояния героя, а также оценивая произошедшие метаморфозы, что нередко отражается в многочисленных портретах персонажей, то символисты оперируют другой формой психологизма – синтетической. Такого рода психологизм, по Л. А. Колобаевой, сродни «самой сущности символа в понимании символистов» [Колобаева 2015: 13], то есть символу в противопоставлении абстрактной, «всегда поддающейся рациональному объяснению аллегории» [Ханзен-Леве 2003: 19] (символ, имеющий вид намека, вызывает определенное представление «о вечном в бренном мире» [Ханзен-Леве 2003: 19]). Л. А. Колобаева отмечает, что «писатель XX в. не дает в произведении ответов на психологические загадки, возникающие в поведении героя, не пытается определенно связать причины и следствия в мотивах его поведения, даже прямо не называет сами мотивы» [Колобаева 2015: 12]. Традиционный интерес к тому, как «душевные качества героя проявляются в его внешности (портрет)» [Кудреватых 2015: 22], в начале XX в. смещается в сторону отказа от «определенной системы мотивации поведения героя» [Колобаева 2015: 9], в результате чего образ может рассыпаться на детали (что может отражаться в том числе и в портрете персонажа), а происходящие метаморфозы в душе героя могут не отражаться в его внешности. Начало XX в. ознаменовалось синтезом искусств (литературы, музыки и живописи), который поддержал введение в текст косвенных приемов, в том числе и живописно-графических, которые бы способствовали

наравне с текстом раскрытию психологии героя [Дровалева 2017: 100–118].

Портрет в малой прозе В. Я. Брюсова. Синтетические тенденции, состоящие в отказе от установления автором связей между внешними и внутренними характеристиками героя, наметились еще в ранних работах Брюсова. Так, например, об этом он писал, будучи еще молодым автором: «Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит у него (у героя) вот какой характер» [Гречишкин, Лавров 1983: 7]. Брюсовым отрицается прямая связь между «движениями» персонажа на протяжении всего произведения и характером героя. В этой связи интересно было бы указать на особенности создания портретных характеристик в его малой прозе.

Воззрения Брюсова относительно изображения внешности человека в литературном произведении, состоящие в ослаблении характерологической функции портрета, соотносятся с особенностями восприятия фигуры человека в изобразительном искусстве Серебряного века. Художника-творца интересовало не человеческое лицо, а изображение личности, взятой в отдельный исторический период. В основе культуры Серебряного века «лежит созерцание, отсюда интерес к стилю различных эпох, а также смакование различных эстетических подробностей» [Чапаева 2010: 86]. В связи с лирикой и прозой Серебряного века можно говорить о проблеме «маски» и «лица». Однако маска не всегда связана с обманом. В статье Белого «Маска» маска – это символ посвященности, те, кто скрывается под личиной, владеют тайной «несказанного»: «Они все знают. Они все видят. Но они не говорят. Их глаза сквозят бездонными далями и змеются улыбкой их уста. Их лица – надетые маски. Вглядишься, сколько масок показалось среди нас! К поверхностям сознания снова приблизились забытые ужасы, и воскресла маска античной Греции» [Белый 1904: 8]. Маска избирается в зависимости от законов жизни в определенную эпоху. И поэтому так велик соблазн примерить на себя разные образы и прожить несколько жизней. Идея перевоплощения в «героя» другой эпохи была близка и Брюсову. Становясь

героем таинственной древности или Средних веков, поэт приближается к обретению себя. Н. В. Мокина указывает на эту же идею, воплотившуюся в сборнике «Семь цветов радуги»: «„Маска“, впрочем, не всегда означала обман, ибо нередко выражала подлинные проявления человеческого „я“, истинную суть человека. <...> Именно в этом значении слово „маска“ используется в сборнике „Семь цветов радуги“ (1912–1915). Ставя эпиграфом к разделу „В маске“ строки сологубовского стихотворения „Я лицо укрыв бы в маске“, Брюсов, однако, дает иное понимание образа. Надетая маска – не приспособление к миру и не отказ от подлинного „я“, а именно обретение себя <...> Многочисленные герои, описанные в стихотворениях отдела, имеют разные лица и судьбы: воины, поэты, иноки, мифологические персонажи. Но они не противопоставлены друг другу, а представляют как бы разные воплощения одной судьбы, одного человеческого типа. Каждый из брюсовских персонажей подчиняет свою жизнь единому устремлению, становится участником „вечного, древнего поединка“, который „длится в образах времен“» [Мокина 2004: 16]. Эта тенденция отражается и в рассказах Брюсова.

Преломление событий «сквозь призму отдельной души», взятой в конкретный исторический период, – еще одна задача, которую Брюсов и воплотил в сборнике «Земная ось» [Гречишкин, Лавров 1983: 9].

В текст новеллы «В Башне» (1907), вошедшей в сборник, Брюсов вводит портретные детали, стилизуя повествование под эпоху «сна» героя (в средневековых романах портретные характеристики представляли собой квалификативные признаки физической красоты, заключенные в особые словесные формулы): «Владельца замка звали Гуго фон-Ризен. Это был гигант с громовым голосом и силой медведя. Он был вдов. Но у него была дочь Матильда, стройная, высокая, светлоокая» [Брюсов 1983: 62]. В конце новеллы дается портрет восприятия-самовосприятия, который усиливает мерцание сна и яви на протяжении всего рассказа: «Моя одежда скоро обратилась в лохмотья, мои волосы сбились в комок, мое тело покрылось язвами. Только в недостижимых мечтах представлялось мне море и солнце, весна и свежий воздух, Матиль-

да. А в близком будущем меня ждали колесо и дыба» [Брюсов 1983: 62]. Герой иного мира – провидец, который предрекает поражение захватчикам русской земли. Он существует в двух мирах и двух ипостасях – юноша, сидящий за столом и записывающий сон, и мученик, ожидающий казни [Дроvalева 2018: 137]. Таким образом, портреты в новелле – не только элемент стилизации под определенное историческое время, но и художественный прием, раскрывающий символистскую идею многомерности бытия.

Рассказ «Мраморная головка» (1903) заканчивается размышлением о том, существовала ли возлюбленная на самом деле, которое ставит вопрос о восприятии времени и реальности: герой произведения узнает в статуэтке, созданной в XV в., свою возлюбленную. Лицо мраморной скульптуры оживляет в памяти образ героини, а за ним приходит «целая вселенная чувств, мечтаний, мыслей» [Брюсов 1983: 74]. Время для писателя – один из главных лейтмотивов творчества. Взгляды Брюсова отражаются не только в прозе, но и в его стихотворных произведениях и статьях. Прошлое предстает перед творцом в качестве надежного проводника по будущему. Отсюда и интерес символистов (Брюсова, в частности, к различным культурам и литературам). В художнике-творце, создающем новую реальность (мир произведения), одновременно схлестываются прошлое и будущее [Брюсов 1973: 123].

В предисловии к сборнику «Земная ось» Брюсов отмечал, что произведения здесь объединены следующей идеей: не существует границы между миром реальным и воображаемым [Королева 2019], между «сном» и «явью», «жизнью» и «фантазией» [Брюсов 1911: XIII]. Герои небольших произведений теряют «ось», «которая составляла смысл их существования» и в результате переходят границу (попадают в другое время, мир или пространство, имеющее особую организацию).

В «Защите» (1904) Брюсов обращается к жанру святочного рассказа, реализуя в полной мере идею размытости границ мира реального и мира воображаемого [Савина 2013: 51], что проявляется и в описании внешности героев. В начале произведения дается совершенно обычный портрет героини – Елены

Григорьевны: «Ей было лет 30 с чем-нибудь, но в ее глазах, почти неестественно крупных, было что-то детское, придававшее ей неизъяснимую прелесть» [Брюсов 1911: 55]. Но, когда однажды вечером во время метели герой решает признаться в любви Елене Григорьевне, та рассказывает странную историю о том, что до сих пор верна своему умершему мужу, являющемуся к ней, когда этого никто не видит. В этот момент ее детские глаза становятся, «как хрустали» – холодными, и вот теперь уже она говорит с героем, «как старшая сестра с капризным ребенком» [Брюсов 1911: 57]. В момент «соприкосновения» с иной реальностью меняется и облик героини – она уже не кажется беззаботной женщиной с детскими глазами, черты ее лица ожесточаются, а тон становится серьезным. Перед героем на мгновение оказывается совсем другой человек.

Приведенные примеры позволяют сделать следующий вывод: портрет в малой прозе Брюсова тяготеет к тому, чтобы встраиваться в общую канву произведения, служа, очевидно, не способом репрезентации характера персонажа. Портретные детали, которые вводит Брюсов в текст произведения, усиливают многогранность художественных образов, отражая идею непостижимости истины или наличия множества истин, а в сборнике «Земная ось» способствуют созданию общего настроения произведения и поддерживают лейтмотив утраты границы между сном и явью, действительностью и миром фантазии.

Визуализация облика персонажей А. Белого в повести «Котик Летаев». Появление повести Белого «Котик Летаев» (1917–1918) во многом обусловлено увлечением писателя антропософским учением. Еще в 1912 г. после базельского курса лекций Р. Штейнера в письме к М. К. Морозовой Белый подчеркивал близость, по его мнению, антропософского учения и теургических воззрений на природу творчества: «<...> сплошное теургическое делание – интимные курсы Доктора; меняется атмосфера зала, приходишь домой: меняется душа <...>. Теургия – вот что близко мне в Докторе: а как там это называется у немцев, это мне все равно: „теософия“, „окультизм“ <...>» [Лагутина 2015: 14]. При рассмотрении особенностей портретных характеристик в «Ко-

тике Летаеве» необходимо учитывать синтетизм воззрений Белого, состоящий в ориентации на антропософские взгляды и осознанное творение своей биографии, что отсылает нас, в том числе, к идее теургии – преобразению действительности и сотворения нового автобиографического мифа.

«Котик Летаев» – произведение с автобиографическими деталями, которое вольно или невольно актуализирует проблему становления художника-творца, его особенной судьбы и пути: «В повести „Котик Летаев“ в мифологическом пребывании начинается посвятельный путь героя Андрея Белого» [Кононова 2019: 18]. Идея непрерывающейся трансформации, являющаяся основой развития, – ключевая идея антропософии. Неуловимые трансформации, расширение сознания, начиная с самых первых проблесков сознания у младенца в «Котике Летаеве», становятся предметом интереса Белого.

На воссоздание структуры сознания героев и их внешнего облика, безусловно, повлияло восприятие человеческой сущности и человеческой фигуры Белым сквозь призму антропософских воззрений на человека, состоящего из разных тел-оболочек (тело астральное, тело эфирное, тело физическое) [Белый 1999: 217]. В описание болезненного жара, охватившего мальчика, в главе «Горит, как в огне» Белый вводит изображение частей тела ребенка, представляющего собой вместилище коридоров и комнат под кожей: «<...> стал слезать с меня мрак; ощущения отделялись от кожи: ушли мне под кожу: выпали чернородные земли – Кожа мне стала как... свод: таково нам пространство; мое первое представление о нем, что оно – коридор... – Мне впоследствии наш коридор представляется воспоминанием о времени, когда он был мне кожей; передвигался со мною он; повернись назад – он сжимается сзади дырой; впереди открывается просветом; переходики, коридоры и переулки мне впоследствии ведомы» [Белый 1997: 32].

Такое изображение сознания (души) в тесной связи с телесным воплощением отсылает нас к идее расширения сознания за счет тел-оболочек, из которых состоит, по мысли Белого, организм человека. На каждом уровне момента жизни человек должен извлекать

знание о том состоянии, в котором он сейчас находится, и соотносить его с восприятием мира. Множественные телесные оболочки колеблются: они то сужаются, то расширяются. Тело Котика характеризуют многочисленные «сжимания» (вплоть до превращения в точку) и увеличения (если попадешь в какое-нибудь особое пространство, то уже будет невозможно вернуться обратно): «Комнаты – части тела; они сброшены мною <...> и бросаю из тела: мои странные здания <...> в голове я слагаю <...> храм мысли, его уплотняя, как... череп; я сниму с себя череп; он будет мне – куполом храма; будет время: пойду по огромному храму; и я выйду из храма: с той же легкостью мы выходим из комнаты. <...> Сперва образов не было, а было им место в навислости спереди; очень скоро открылась мне: детская комната; сзади дыра зарастала, переходя – в печной рот» [Белый 1997: 32]. Отсюда – дискретность портрета, которая одновременно являет собой непрерывающуюся связь с окружающим пространством в соотношении себя с миром в каждый момент времени восприятия.

Вовсе не «биологическая» составляющая человека (т. е. точное воспроизведение существующей или существовавшей в действительности личности) интересует Белого. Состояния сознания и фантазийные метаморфозы, причудливым образом переплетающиеся с прошлым и будущим, – предмет интереса писателя. Зрительные образы, возникающие наплывами, представляют собой попытку зафиксировать непрерывно изменяющееся состояние героя. Так, «внутри» описания комнаты проникает состояние души, за которым вслед вводится «портрет» бабушки, переливающийся в интерьер то внутренних «комнат» сознания, то интерьера «настоящей» комнаты, где сидит бабушка Котика. Ее капот возникает из табачного дыма, а лысый череп и вовсе то ли пугает ребенка, то ли заставляет чувствовать себя неловко: «<...> без чепчика, лысая; морщинится ее лоб, когда она, приподымая глаза над очками, поглядывает на меня исподлобья – в коричневатом капоте, выделяющемся на стене – из табачного дыма; и капот, и лысина в слабых мерцаниях свечи мне не кажутся добрыми. Знаю я, – скверновато: даже совсем скверновато; а почему, – этого не могу я понять; потому ли, что открыто мне

неприличие бабушки (вместо чепчика с лиловыми лентами вовсе голая голова), потому ли, что целая половина стены отсутствует вовсе: не четыре стены – три стены; четвертая – распахнулась своим темнодонным оскалом со множеством комнат...» [Белый 1997: 33]. Писатель раскрывает некий психологический процесс, происходящий в душе человека, опуская анализ мотивов, обращая внимание читателя, в первую очередь, на происходящие в сознании ребенка метаморфозы.

В основе антропософского взгляда на возможность совершенствования человеческой души – знание механизмов психики, где соединяются символическое и реальное, представляемое и наблюдаемое. Вот, казалось бы, Котик «кушает кашку» под строгим надзором нянюшки Александры, а в следующую минуту на месте нянюшки вдруг появляется лампа, отблескивающая стеклом, нянюшка же оказывается в том положении, в котором она и сидела раньше, занимаясь вязанием: «Нянюшка на меня посмотрела; и забегали над чулком вязальные, ясные спицы. <...> Манная кашка меня обманула; тяготится желудочек и нападают сонливости; я простираюсь за помощью; нянюшка склонилась ко мне; вместо ее головы – платя, без колпака, торча, меня лижет, мне блещет и синеньким огонечком моргает мне, дышит отверстием, ламповое стекло!» [Белый 1997: 52]. Белый реконструирует момент засыпания разморенного после еды ребенка. Писатель пытается воссоздать внутреннюю потайную жизнь Котика во всей полноте переживаний маленького ребенка, что противоречит традиционному устройству автобиографического, документирующего, как правило, осознанные факты прошлого. Белый же пытается изобразить бессознательное.

В «Котике Летаеве» портретные детали свидетельствуют об особом восприятии человека Белым с точки зрения антропософских взглядов. Визуальные детали в составе образов героев являют собой портрет-символ и указывают на то, что Белый оперирует «синтетической» формой психологизма – символично-мифологической.

Итоги. Символистское мифотворчество определило своеобразие портретов персонажей в рассмотренных нами произведениях – рассказах Брюсова и автобиографической повести «Котик Летаев» Белого. В результате проведенного анализа можно констатировать появление в литературе начала XX в. символического портрета (портрета-символа), особенности которого обусловлены философскими воззрениями и авторскими идеями относительно природы творчества. В портрете-символе происходит нарушение свойственных «классическому» портрету функций – традиционной визуализации, индивидуализации и оценки персонажей. Такой портрет не способствует созданию целостных зрительных образов персонажей, но участвует напрямую в формировании философского и мифологического планов произведения. Кроме того, проведенный анализ позволяет заключить, что в русской литературе XX в. отчетливо проступили новые подходы к изображению психологии героя, состоящие в стремлении изучить тайные слои психики, что повлекло за собой изменение традиционных подходов к визуализации облика персонажа в художественном тексте. Особенности конструирования облика персонажа, открытые писателями-символистами и состоящие, в частности, в ослаблении характерологической функции портрета, проявились и в постсимволистской прозе.

Литература

- Адамян, Е. И. Функция портретов современников в мемуарной трилогии Андрея Белого / Е. И. Адамян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 5–11.
- Афанасьева, М. С. Типология литературно-критических портретов в книгах Андрея Белого «Арабески» и «Луг зеленый» / М. С. Афанасьева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 107–116.
- Барковская, Н. В. Поэтика символистского романа / Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 1996. – 285 с.
- Белый А. Душа самосознающая / А. Белый. – М. : Канон+, 1999. – 559 с.
- Белый, А. Котик Летаев / А. Белый // Собрание сочинений. – М. : Республика, 1997. – Т. 6. – С. 24–155.
- Белый, А. Маска / А. Белый // Весы. – 1904. – № 6. – С. 6–15.

Бердникова, О. А. Поэтологические модели Серебряного века в контексте христианской духовной традиции: к постановке проблемы / О. А. Бердникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 16–23.

Берендеева, И. А. Стратегия и практика житнетворчества в эпистолярном наследии А. Блока 1900-х годов: на материале писем к Л. Д. Менделеевой и А. Белому : дис. ... канд. филол. наук / Берендеева И. А. – Тюмень: [Б.и.], 2010. – 188 с.

Брюсов, В. Я. Земная ось: Рассказы и драм. Сцены / В. Я. Брюсов. – 3-е изд., доп. – М.: Скорпион, 1911. – 166 с.

Брюсов, В. Я. Повести и рассказы / В. Я. Брюсов; сост., вступ. статья и примеч. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова. – М.: Сов. Россия, 1983. – 368 с.

Брюсов, В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 4. – 672 с.

Брюсов, В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 6. – 656 с.

Гречишкин, С. С. Брюсов-новелист / С. С. Гречишкин, А. В. Лавров // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1983. – С. 3–18.

Давиденко, О. С. Театрально-игровое начало в культуре Серебряного века / О. С. Давиденко // Вестник Евразии. – 2006. – № 3. – С. 7–23.

Дровалева, Н. А. Поэтика портрета в малой прозе В.Я. Брюсова: к постановке проблемы / Н. А. Дровалева // Stephanos. – 2018. – № 5. – С. 135–138.

Дровалева, Н. А. Портрет как предмет изображения в отдельных прижизненных изданиях романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел» (литература и книжная графика) / Н. А. Дровалева // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 110–118.

Иоффе, Д. Житнетворчество русского модернизма *sub specie semioticae*. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь–текст / Д. Иоффе // Критика и семиотика. – Новосибирск; М.: НГУ, 2005. – Вып. 8. – С. 126–179.

Кафидова, Н. А. Пророк безличия: принципы изображения персонажей в романах Андрея Белого / Н. А. Кафидова // Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы. – М.: [Б.и.], 2005. – Вып. 2. – С. 75–85.

Клинг, О. А. В. Я. Брюсов: от идеи житнетворчества к пересозданию действительности и творческой личности в духе большевизма / О. А. Клинг // Брюсовские чтения 2013 года : сборник статей. – Ереван : Лингва, 2014. – С. 146–155.

Колобаева, Л. А. «Никакой психологии» или фантастика психологии? / Л. А. Колобаева // Колобаева Л. А. От А. Блока до И. Бродского (О русской литературе XX века). – М.: ООО «Русский импульс», 2015. – С. 5–21.

Колосова, С. Н. Портрет в лирическом произведении как отражение авторской картины мира: На примере стихотворений В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, Г. В. Иванова / С. Н. Колосова // Лучшая вузовская лекция III. – М.: [Б.и.], 2006. – С. 61–75.

Кононова, Н. О. Преемственность образов «ребенок-рыцарь» в триаде «автобиографических» повестей А. Белого / Н. О. Кононова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 18–23.

Королева, В. В. «Гофмановский комплекс» в цикле рассказов и драматических сцен В.Я. Брюсова «Земная ось» (1901–1907) / В. В. Королева // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 113–119.

Кудреватых, А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н.М. Карамзина / А. Н. Кудреватых. – Екатеринбург : [Б.и.], 2015. – 164 с.

Лагутина, И. Н. Между «тьмой» и «светом»: воспоминания о Блоке и Штейнере как автобиографический проект Андрея Белого / И. Н. Лагутина // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики : сборник статей. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 7–26.

Лазаренко, Л. В. Концепция «тела» в романе «Петербург» А. Белого / Л. В. Лазаренко // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе XIX–XX веков. – Благовещенск : [Б.и.], 1999. – Вып. 4. – С. 31–38.

Лазаренко, Л. В. Образ человека в творческом сознании Андрея Белого (к проблеме поэтики романа «Петербург») : дис. ... канд. филол. наук / Лазаренко Л. В. – М.: [Б.и.] 2002. – 193 с.

Ларина, Н. А. «Пушкинский след» в рассказах Валерия Брюсова: образ метели как миромоделирующая константа / Н. А. Ларина // Казанская наука. – 2018. – № 2. – С. 20–22.

Мокина, Н. В. Проблема «маски» в лирике и прозе Серебряного века / Н. В. Мокина // Вестник Оренбургского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 1. – С. 15–19.

Новиков, Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. А. Новиков. – М.: Наука, 1990. – 180 с.

Печенина, Ю. А. Человек и пространство (в романе А. Белого «Петербург») / Ю. А. Печенина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – Вып. 578. – С. 141–152.

Савина, А. Д. Сюжетная игра в малой прозе В. Брюсова (на материале рассказа «Защита») / А. Д. Савина // Сюжетология и сюжетография. – 2013. – № 1. – С. 46–52.

Сарычев, В. А. Эстетика русского модернизма: Проблема «житнетворчества» / В. А. Сарычев. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – 316 с.

Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Леве; пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.

Чапаева, М. В. Лицо как эстетический феномен в русской философии и культуре конца XIX – начала XX века / М. В. Чапаева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 85–88.

Якушева, Ю. А. Женский портрет в поэзии В. Брюсова: к постановке проблемы / Ю. А. Якушева // Филологические штудии. – Иваново, 2010. – Вып. 13. – С. 17–20.

References

- Adamyan, E. I. (2009). Funktsiya portretov sovremennikov v memuarnoi trilogii Andrey Belogo [The function of his contemporaries' portraits in Andrey Bely's memoir trilogy]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. No. 1, pp. 5–11.
- Afanaseva, M. S. (2016). Tipologiya literaturno-kriticheskikh portretov v knigakh Andrey Belogo «Arabeski» i «Lug zelenyi» [The typology of literary and critical portraits in Andrey Bely's books «Arabesques» and «Green Meadow»]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 107–116.
- Barkovskaya, N. V. (1996). *Oetika simvolistskogo romana* [Poetics of the symbolist novel]. Ekaterinburg. 285 p.
- Bely, A. (1904). Maska [The mask]. In *Vesy*. No. 6, pp. 6–15.
- Bely, A. (1997). Kotik Letaev [Kotik Letaev]. In *obranie sochinenii*. Moscow, Respublika. Vol. 6, pp. 24–155.
- Bely, A. (1999). *Dusha samosoznayushchaya* [A self-conscious soul]. Moscow, Kanon+. 559 p.
- Berdnikova, O. A. (2009). Poetologicheskie modeli Serebryanogo veka v kontekste khristianskoi dukhovnoi traditsii: k postanovke problemy [The problem of the poetology models in “The Silver Age” Russian literature in the aspect of Christian theological tradition]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 2, pp. 16–23.
- Berendeeva, I. A. (2010). *Strategiya i praktika zhiznetvorchestva v epistolyarnom nasledii A. Bloka 1900-kh godov: na materiale pisem k L. D. Mendeleevoi i A. Belomu* [Strategy and practice of lifebuilding in A. Blok's epistolary heritage of the 1900s: letters to L. D. Mendeleeva and A. Bely]. Dis.... kand. filol. nauk. Tyumen. 188 p.
- Bryusov, V. Ya. (1911). *Zemnaya os': Rasskazy i dram. Stseny* [The Earth's axis: stories and dramatic scenes]. 3rd edition. Moscow, Skorpion. 166 p.
- Bryusov, V. Ya. (1973). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works, in 7 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 4. 672 p.
- Bryusov, V. Ya. (1973). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works, in 7 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 6. 656 p.
- Bryusov, V. Ya. (1983). *Povesti i rasskazy* [Short stories and tales]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 368 p.
- Chapaeva, M. V. (2010). Litso kak esteticheskii fenomen v russkoi filosofii i kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka [The person as an aesthetic phenomenon in Russian philosophy and culture of end XIX – the beginnings of the XX centuries]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. Vol. 1. No. 1, pp. 85–88.
- Davidenko, O. S. (2006). Teatral'no-igrovoe nachalo v kul'ture Serebryanogo veka [Theatrical and artistic beginnings of the culture of the Silver age]. In *Vestnik Evrazii*. No. 3, pp. 7–23.
- Drovalova, N. A. (2017). ortret kak predmet izobrazheniya v ot del'nykh prizhiznennykh izdaniyakh romana V. Ya. Bryusova «Ognennyi angel» (literatura i knizhnaya grafika) [The portrait as an object of depiction in Bryusov's lifetime publications of “The Fiery Angel” (literature and book illustrations)]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 2 (41), pp. 110–118.
- Drovalova, N. A. (2018). Poetika portreta v maloi proze V. Ya. Bryusova: k postanovke problemy [The poetics of portrait in V. Ya. Bryusov's short prose: topic statement]. In *Stephanos*. No. 5, pp. 135–138.
- Grechishkin, S. S., Lavrov, A. V. (1983). Bryusov-novellist [Bryusov the Novelist]. In Bryusov, V. Ya. *Povesti i rasskazy*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 3–18.
- Ioffe, D. (2005). Zhiznetvorchestvo russkogo modernizma sub specie semioticae. Istoriograficheskie zametki k voprosu tipologicheskoi rekonstruktsii sistemy zhizni – tekst [Lifebuilding of the Russian modernism sub specie semioticae. Historiographical notes on the topic of typological reconstruction of the life – text system]. In *Kritika i semiotika*. Novosibirsk, Moscow, NGU. Vol. 8, pp. 126–179.
- Kafidova, N. A. (2005). Prorok bezlichia: printsipy izobrazheniya personazhei v romanakh Andrey Belogo [The prophet of facelessness: the principles of characters depiction in Andrei Bely's novels]. In *Kafedral'nye zapiski: Voprosy novoi i noveishei russkoi literatury*. Moscow. Vol. 2, pp. 75–85.
- Khanzen-Leve, A. (2003). *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythico-poetical symbolism. Cosmic imagery]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 816 p.
- Kling, O. A. (2014). V. Ya. Bryusov: ot idei zhiznetvorchestva k peresozdaniyu deistvitel'nosti i tvorcheskoi lichnosti v dukhe bol'shevizma [V. Ya. Bryusov: from the ideas of lifebuilding to recreation of reality and artistic personality in the spirit of Bolshevism]. In *Bryusovskie chteniya 2013 goda: sbornik statei*. Erevan, Lingva, pp. 146–155.
- Kolobaeva, L. A. (2015). «Nikakoi psikhologii» ili fantastika psikhologii? [“No psychology” or Psychological fantasy?]. In *Ot A. Bloka do I. Brodskogo (O russkoi literatury XX veka)*. Moscow, OOO «Russkii impuls», pp. 5–21.
- Kolosova, S. N. (2006). Portret v liricheskom proizvedenii kak otryazhenie avtorskoi kartiny mira: Na primere stikhotvorenii V. Ya. Bryusova, I. A. Bunina, G. V. Ivanova [Portrait in a lyrical work as a reflection of the author's worldview: on the example of poems by V. Ya. Bryusov, I. A. Bunin and G. V. Ivanov]. In *Luchshaya vuzovskaya lektiya III*. Moscow. Vol. 3, pp. 61–75.
- Kononova, N. O. (2019). Preemstvennost' obrazov «rebenok-rytsar'» v triade «avtobiograficheskikh» povestei A. Belogo [The connection between the images of a child-knight in the triad of “Autobiographical” stories by Andrei Bely]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 440, pp. 18–23.

Дровалева Н. А. Художественная специфика портрета в символистской прозе (В. Я. Брюсов и А. Белый)

Koroleva, V. V. (2019). «Gofmanovskii kompleks» v tsikle rasskazov i dramaticheskikh stsen V. Ya. Bryusova «Zemnaya os'» (1901–1907) [“E. T. A. Hoffmann's Complex” in the cycle of stories and drama scenes “Earth Axis” by Valery Bryusov (1901–1907)]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 25. No. 3, pp. 113–119.

Kudrevatykh, A. N. (2015). *Evolutsiya psikhologizma v proze N. M. Karamzina* [Evolution of psychologism in N. M. Karamzin's prose]. Ekaterinburg. 164 p.

Lagutina, I. N. (2015). Mezhdue «t'moi» i «svetom»: vospominaniya o Bloke i Shteinere kak avtobiograficheskii proekt Andrey Belogo [Between “Darkness” and “Light”: memoirs about Blok and Steiner as A. Bely's autobiographical project]. In *Andrei Bely: avtobiografizm i biograficheskie praktiki: sbornik statei*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 7–26.

Larina, N. A. (2018). «Pushkinskii sled» v rasskazakh Valeriya Bryusova: obraz meteli kak miromodeliruyushchaya konstanta [“Pushkin track” in the stories of Valery Bryusov: the image of Blizzard as a world-conducting constant]. In *Kazanskaya nauka*. No. 2, pp. 20–22.

Lazarenko, L. V. (1999). Kontseptsiya «tela» v romane «Peterburg» A. Belogo [The concept of “Body” in A. Bely's novel “Petersburg”]. In *Problemy khudozhestvennogo miromodelirovaniya v russkoi literature XIX–XX vekov*. Blagoveshchensk. Issue 4, pp. 31–38.

Lazarenko, L. V. (2002). *Obraz cheloveka v tvorchestve Andrey Belogo (k probleme poetiki romana «Peterburg»)* [The image of a person in A. Bely's creative mind (on the topic of poetics of the novel “Petersburg”)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 193 p.

Mokina, N. V. (2004). Problema «maski» v lirike i proze Serebryanogo veka [The problem of “mask” in lyrics and prose of the Silver age]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 15–19.

Novikov, L. A. (1990). *Stilistika ornamental'noi prozy Andrey Belogo* [Stylistics of A. Bely's ornamental prose]. Moscow, Nauka. 180 p.

Pechenina, Yu. A. (2009). Chelovek i prostranstvo (v romane A. Belogo «Peterburg») [Man and space (in A. Bely's novel “Petersburg”)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Issue 578, pp. 141–152.

Sarychev, V. A. (1991). *Estetika russkogo modernizma: Problema «zhiznetvorchestva»* [Aesthetics of Russian modernism: the issue of “Lifebuilding”]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 316 p.

Savina, A. D. (2013). Syuzhetnaya igra v maloi proze V. Bryusova (na materiale rasskaza «Zashchita») [The plot game in Bryusov's short stories (based on the story “Defense”)]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 1, pp. 46–52.

Yakusheva, Yu. A. (2010). Zhenskii portret v poezii V. Bryusova: k postanovke problemy [Female portrait in V. Bryusov's poetry: topic formulation]. In *Filologicheskie shtudii*. Ivanovo. Issue 13, pp. 17–20.

Данные об авторе

Дровалева Наталия Алексеевна – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51.

E-mail: n.drovalева@mail.ru.

Author's information

Drovalева Natalia Alekseevna – Post-graduate Student of the Department of Theory of Literature of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).